

Джойс

Давайте-ка начнем с Элизабет, хорошо? И посмотрим, что из этого выйдет.

Я ее, конечно, знала: Элизабет здесь все знают. Она из квартир на три спальни в Ларкин-корт*. Вроде бы из угловой, с балкончиком. И еще я в одной викторине играла в команде со Стефаном, а он, по стечению многих обстоятельств, третий муж Элизабет.

Это случилось за ланчем месяца два или три назад и, должно быть, в понедельник, потому что подавали пастуший пирог. Элизабет сказала: она видит, я сейчас ем, но хотела бы задать вопрос про ножевую рану, так не будет ли это неудобно.

Я ответила: «Ничего, спрашивайте, конечно» или что-то в этом роде. Я не всегда точно все запоминаю, лучше уж сразу вам сказать. Тогда она открыла большой конверт, в котором я увидела листы с текстом и, кажется, краешки старых фотографий. А затем перешла прямо к делу.

Элизабет попросила меня представить, что некую девушку ударили ножом. Я спросила, каким ножом, а Элизабет сказала, что, вероятно, обычным кухонным. «Джон Льюис». Марку она не назвала, но я представила именно

* Многоквартирные дома в поселке называются по именам известных поэтов — Ларкин, Рёскин, Вордсворт и т. д. *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

такой нож. Потом она попросила вообразить, что преступник ударил девушку три или четыре раза, точно под грудь. Выдернул-ударил, выдернул-ударил, мерзкие раны, но артерию не задело. Элизабет говорила довольно тихо, потому что люди ели, а она все же привыкла держаться в рамках приличия.

И вот когда я представила себе эти ножевые раны, она меня спросила, за какое время та девушка истекла бы кровью до смерти.

Кстати, мне следовало бы раньше упомянуть, что я много лет была медсестрой, а то вам такой разговор может показаться странным. Элизабет об этом откуда-то прознала, она все знает. Словом, потому она ко мне и обратилась. Вы, верно, удивляетесь, к чему я веду. Даю слово, я все объясню.

Я, помню, промокнула губы, прежде чем отвечать, — как иногда показывают по телевизору. Это придает вам умный вид, сами попробуйте. Я спросила, сколько весила девушка.

Элизабет нашла в конверте нужный лист, повредила пальцем и прочитала, что вес девушки сорок шесть килограммов. Это нас обоих сбilo с толку — ни она, ни я не знали, сколько будет сорок шесть килограммов в нормальных единицах измерения. Я в уме подсчитала, вышло что-то около двадцати трех стоунов*. Мне казалось, считается два к одному. Но я сразу спохватилась, что, наверное, перепутала с дюймами и сантиметрами.

* Стоун (или стон) — британская единица измерения массы, обычно используется, когда речь идет о массе тела человека. Равняется приблизительно 6,35 килограмма. *Прим. ред.*

Элизабет меня заверила, что двадцать три стоуна та девушка точно не весила, у нее в конверте была фотография трупа. Затем сунула мне конверт и обратилась к залу: «Спросите кто-нибудь у Бернарда: сорок шесть килограммов — это сколько?»

Бернард всегда садился один за маленький столик ближе к патио. Стол номер восемь. Это вам знать ни к чему, но про Бернарда я немножко расскажу.

Он был очень добр ко мне, когда я только перебралась в Куперсгейз. Принес мне букетик клематисов и объяснил порядок вывоза мусора. Здесь четыре бачка разных цветов. Четыре! Спасибо Бернарду, я теперь знаю, что зеленый — для стекла, а голубой — для бумаги и картона. Насчет красного и черного можете гадать с тем же успехом, что и я. Чего я только не видела, проходя мимо. В один из них кто-то запихнул факсимильный аппарат.

Бернард раньше был профессором каких-то естественных наук, работал по всему миру, даже в Дубае побывал, когда никто еще о нем и не слышал. Он одевался к ланчу по всей форме, в костюме с галстуком, а вот читал при этом «Дейли экспресс».

Мэри из Рёскин-корта, сидевшая за соседним столиком, отвлекла его от газеты и спросила, сколько будет сорок шесть килограммов в стоунах.

Бернард кивнул и повернулся к Элизабет.

— Чуть больше семи и трех десятых.

Такой у нас Бернард.

Элизабет его поблагодарила и сказала, что вроде бы похоже на правду, после чего Бернард снова занялся кросвордом. Я потом проверила насчет сантиметров и дюймов — хоть в этом я не ошиблась.

Элизабет вернулась к вопросу. Сколько прожила бы девушка после нескольких ударов кухонным ножом? Я предположила, что, если ей не оказали помощи, она, вероятно, умерла бы минут через сорок пять.

— Да, вот именно, Джойс, — сказала Элизабет и снова стала спрашивать: — А если бы девушке оказали помощь? Не врач, но человек, способный затампонировать рану. Например, отслуживший в армии. Или вроде того.

Я в свое время навиделась ножевых ран. Приходилось иметь дело не только с растянутыми лодыжками. Вот я и сказала, что тогда она бы вообще не умерла. И действительно, не умерла бы. Рана нешуточная, но ее без труда залатали бы.

Элизабет покивала и ответила, что она точно так и сказала Ибрагиму, хотя я тогда еще не была знакома с Ибрагимом. Я же говорю, с тех пор прошло пара месяцев.

Элизабет заподозрила, что дело тут нечисто и предположила, что девушку убил ее парень. Я знаю, такое часто случается. Вы сами о таком читали.

Наверное, до переезда подобный разговор меня удивил бы, но когда тут со всеми познакомишься, понимаешь, что это в порядке вещей. На прошлой неделе я разговорила с человеком, который изобрел мятное мороженое с шоколадной крошкой, если не врет, конечно. Проверить-то мне негде.

Я рада была немножко помочь Элизабет и решила, что вправе рассчитывать на ответную услугу. Спросила, можно ли мне посмотреть фотографию трупа. Чисто профессиональный интерес.

Элизабет просияла, как просиял бы кто другой в ответ на просьбу показать снимки выпускного вечера внука или внучки. Она вытянула из конверта фотокопию на листе А4, положила передо мной чистой стороной вверх и сказала, что я могу оставить себе, у них у всех уже есть копии.

Я ответила, что она очень добра, а она — что не стоит благодарности и что нельзя ли задать мне еще один, последний вопрос.

— Конечно, — сказала я.

И она спросила: «Вы по четвергам не заняты?»

Можете мне не верить, но я тогда впервые услышала про четверги.

ГЛАВА 2

Констебль патрульной службы Донна де Фрейтас хотела бы иметь личное оружие. Она желала бы гоняться за серийными убийцами по пустынным складам, угрюмо делать свое дело, несмотря на кровоточащую пулевую рану в плече. Может быть, научиться пить виски и завести роман с напарником.

Но пока двадцатишестилетняя Донна сидит за ланчем — без четверти двенадцать! — с четырьмя незнакомыми пенсионерами и понимает, что до маньяков ей еще расти и расти. Впрочем, она готова признать, что последний час выдался довольно забавным.

Донна много раз проводила занятия «Практика домашней безопасности». И сегодня, как обычно, ее слушали